

ВИТАЙСКИЙ

НАГОРЬСКИИ.

Годъ VIII. Выпускъ 11-й 1911 г.

Отъ 1-го Октября.

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ТЕРПЪЛИВЕЦЪ.

Какъ немощны мы, братіе, какъ не можемъ снести даже простого слова укѣризы, даже заслуженной. Между тѣмъ какъ терпѣніе имѣетъ великую заслугу въ очахъ Божіихъ и одно можетъ обезпечить намъ вѣчное спасеніе. Ветхозавѣтный Іовъ многостра-

дальнѣй, навсегда останется примѣромъ благодушнаго терпѣнія скорбей и великой награды за то отъ Бога. Въ житіяхъ новозавѣтныхъ святыхъ находится немало примѣровъ спасительнаго терпѣнія. Но нигдѣ такъ ясно подвигъ терпѣнія не выступаетъ, какъ въ житіи преподобнаго Дулы Стратотерпца.

Этотъ рабъ Божій былъ монахомъ одного общежительнаго монастыря въ египетской странѣ. Будучи всегда гонимъ и злословимъ братією онъ радовался, молился Богу за обижающихъ, чтобы Господь не поставилъ имъ этого во грѣхъ. Видя въ этихъ нападкахъ козни діавола, смущавшаго братію и съ мужествомъ вооружаясь на него, онъ молитвою и незлобіемъ побѣждалъ врага. Въ такомъ терпѣніи подвижникъ пробылъ двадцать лѣтъ, постоянно питая въ сердцѣ своемъ кротость и смиреніе. Діаволь же не зная, что болѣе дѣлать, придумалъ коварную ложь, онъ научилъ одного брата, не имѣющаго страха Божія, проникнуть тайно во храмъ и украсть церковные сосуды, а братію возмутить подозрѣніемъ на Дулу. Такъ что когда, утромъ, сдѣлалось извѣстнымъ о пропажѣ, все подумали на него, такъ какъ по болѣзни онъ не пришелъ къ заутрени. Посланные за нимъ нашли его на молитвѣ въ кельи и порицая его хульными и безчестными словами, говорили: Недостойный жизни богохульникъ, не достаточно было тебѣ столько лѣтъ смущать насъ, что теперь ты надругался даже надъ душами нашими.

Онъ же, не понимая о чемъ идетъ рѣчь, сказалъ:

«Простите меня, братія, если я согрѣшилъ предъ вами.»

Привлекши его силою въ соборъ, вся братія стала клеветать на него

Одинъ говорилъ:

«Я видѣлъ его тайно ядущимъ зелень.»

Другой:

«Я видѣлъ его крадущимъ хлѣбъ и раздающимъ его внѣ монастыря.»

Третій:

«Я видѣлъ его тайно пьющимъ дорогое вино.»

Также и другіе наговаривали на него что-нибудь порочное.

Слыша все это настоятель и находившіеся съ нимъ отцы, повѣрили клеветамъ и спрашивали неповиннаго Дулу, правда ли все то, что говорятъ о немъ, и особенно спрашивали его о покражѣ, именно, гдѣ онъ спряталъ украденные сосуды.

Святый же оправдываясь, сначала, утверждалъ, что онъ въ этомъ неповиненъ, но видя, что ему не вѣрятъ, и разсуждая такъ:

хотя я не въ этомъ то въ другомъ согрѣшилъ предъ Богомъ, и рѣшился все претерпѣть. Онъ лишь говорилъ:

«Простите меня святые отцы, я грѣшенъ.»

Когда настоятель приказалъ совлечь съ него монашескія одежды и одѣть его въ мірское платье, блаженный громко зарыдалъ, и возрѣвъ на небо, кротко произнесъ:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, ради Твоего святаго имени я облекся во образъ сей, но нынѣ по грѣхамъ моимъ онъ совлеченъ съ меня».

Потомъ угодника Божія заключили въ оковы и передали эконому. Экономъ же, подвергнувъ его бичеванію воловьими жилами, опять грубо допрашивалъ его о покражѣ. Дула же, хотъ и со слезами на глазахъ, но по невинности своей по прежнему улыбаясь говорилъ:

«Простите, согрѣшилъ я.»

Это еще болѣе разсердило эконома, который посадилъ страдальца въ темницу и ноги забилъ въ колоды, и тотчасъ написалъ городскому правителю письмо извѣщая о покражѣ и о братѣ Дулѣ.

Грубые слуги правителя вмѣстѣ съ воинами, посадивъ святаго на несѣдланное животное, и возложивъ на шею страдальца желѣзные тяжести, съ позоромъ, какъ вора привезли его въ городъ.

На судѣ, на всѣ вопросы правителя Дула ничего не отвѣчалъ, какъ только одно: «Согрѣшилъ, простите.»

Тогда правитель, разгнѣвавшись приказалъ положить святаго обнаженнымъ на землю, а четверемъ своимъ слугамъ повелѣлъ нещадно бить его воловьими жилами. Въ то время какъ блаженного Дулу долгое время безъ всякаго состраданія такъ били, онъ наконецъ съ улыбающимся лицомъ сказалъ городскому старшинѣ: «Бей меня, бей, и ты сдѣлаешь украденное серебро мое болѣе чистымъ.»

На это правитель сказалъ ему:

«Безумный, я на тѣлѣ твоёмъ и на ребрахъ твоихъ сдѣлаю тебѣ серебро болѣе чистымъ, чѣмъ даже снѣгъ».

И онъ тотчасъ же приказалъ подсыпать подъ чрево его разожженные угли, а на раны возливать уксусъ, смѣшанный съ солью.

Когда святой все это терпѣлъ, окружающіе его дивились и говорили ему!

«Скажи, гдѣ ты скрылъ священные сосуды и ты будешь освобожденъ.»

Онъ же отвѣчалъ: У меня нѣтъ ни серебра, ни пропавшихъ сосудовъ.

По окончаніи истязаній святаго бросили въ тюрьму.

На утро правитель призвалъ монаховъ той обители съ настоятелемъ во главѣ и сообщилъ имъ, что ему ничего не удалось добиться, что узникъ повидимому, не виновенъ въ покражѣ.

Монахи сказали:

«Кромѣ покражи этотъ нечестивецъ много и другаго зла сдѣлалъ, но мы до сихъ поръ, Бога ради терпѣли его, ожидая, что онъ отвратится отъ своего порока, но онъ впалъ еще въ худшее; потому мы просимъ поступить съ нимъ по закону»,

«Но вѣдь законъ повелѣваетъ святотатцу отсѣкать руки,»-сказалъ имъ на это начальникъ города, и велѣлъ привести святаго Дулу изъ темницы. Онъ сталъ допрашивать его предъ всѣми:

«Окаянный и ожесточенный человѣкъ, скажи намъ правду о покражѣ, въ которой ты обвиняешься и ты будешь освобожденъ отъ казни.

«Хочешь ли, правитель, чтобъ я сказалъ на себя то, чего не дѣлалъ? Не хочу лгать на себя, ибо всякая ложь отъ діавола, Въ томъ, въ чемъ ты меня нынѣ допрашиваешь я совершенно не виновенъ». отвѣтилъ Дула,

Но, такъ какъ монахи настаивали на наказаніи, то правитель приказалъ отсѣчь ему руки,

Когда святаго повели уже на мѣсто казни, дѣйствительный виновникъ кражи сосудовъ, узнавъ о томъ, пришелъ въ умиленіе и сказалъ самъ себѣ:

«-Какъ бы теперь или въ другое время не найдено было украденное мною. Да вѣдь если теперь и утаится это мое злое дѣло, то въ день праведнаго суда Божія оно обличится предъ всѣми? тогда что сдѣлаю я окаянный? какой отвѣтъ дамъ объ этомъ сугубомъ грѣхѣ,-что и сосуды укралъ и невиннаго брата подвергъ мукамъ?»

Онъ пошелъ и спѣшно заявилъ настоятелю, что священные сосуды нашлись. Извѣстіе это успѣли сообщить правителю ранѣе совершенія казни.

Когда страстотерпца доставили обратно въ монастырь, и сдѣлалась явною предъ всѣми его неповинность, то братія начали припадать къ преподобному Дулѣ, прося его о прощеніи. Онъ же, плача, такъ говорилъ имъ на это:

«Простите меня отцы и братія; я великое воздаю вамъ благодареніе, что ради маловременныхъ страданій, какія вы мнѣ причинили, я избавлюсь вѣчныхъ мукъ, и что по милосердію Божию буду сподобленъ великихъ благъ: да и всегда; слыша ваши неправды и укоризны на себя, я радовался, надѣясь тѣмъ избавиться великаго позора за свои грѣхи, когда придетъ Господь, во славу

Своей и объявить совѣты сердечные; всего же болѣе я нынѣ радуюсь тому, что пострадалъ неповинно: ибо я знаю, какія блага уготовалъ Богъ претерпѣвающимъ во имя Его страданія, теперь я печалюсь лишь о васъ: да не поставитъ вамъ Господь во грѣхъ то что вы такъ несправедливо поступали со мною, и я теперь молю благоутробнаго Бога чтобы Онъ подалъ вамъ прощеніе».

Послѣ этого преподобный Дула прожилъ еще три дня и отошелъ ко Господу. О смерти его узналъ будильщикъ и сообщилъ настоятелю.

Когда, по окончаніи утренняго пѣнія, настоятель и братія пришли въ келью святаго, то нашли его колѣнопреклоненнымъ, какъ бы на молитвѣ, но онъ былъ бездыханенъ.

Когда честное тѣло его было приготовлено къ погребенію и принесено къ церкви, ударили въ било, дабы всѣ иноки знали о кончинѣ брата, и собрались всѣ монахи, и прикасались къ честному тѣлу, какъ къ мученическому. Настоятель же послалъ въ сосѣдную лавру звать иноковъ ея, чтобы со славою погребли невинно пострадавшаго брата. Такъ какъ ко гробу тѣнились всѣ и происходилъ немалый беспорядокъ, то настоятель распорядился внести тѣло въ храмъ и запереть двери.

Когда въ девятомъ часу дня монахи обоихъ монастырей собрались чтобы съ подобающими пѣснями предать тѣло честному погребенію, то не нашли его въ храмѣ: остались одно лишь покрывало и сандалии. Подавленные ужасомъ, всѣ молчали, не зная, что предпринять.

Тогда настоятели сказали: «Видите ли, братія, что могутъ сдѣлать долготерпѣливое страданіе, кротость, незлобіе и смиреніе;—вотъ нынѣ братъ нашъ не только душой, но и тѣломъ отошелъ отъ насъ, будучи невидимо, ангельскими руками перенесенъ на другое мѣсто, ибо мы оказались недостойными прикасаться его святому тѣлу; мы считали его грѣшникомъ и недостойнымъ жить на землѣ, онъ же оказался святымъ и достойнымъ небесной жизни съ ангелами; и теперь мы посрамлены, а онъ вѣнчается Христомъ Богомъ. Итакъ, имѣя предъ собою сей примѣръ долготерпѣнія, научимся смиренію, кротости, терпѣнію, незлобію.»

Слушая это, иноки горько плакали, и здѣсь же постановили ежегодно совершать, въ пятнадцатый день Іюня, память святому и преподобному страстотерпцу Дулѣ, на пользу душамъ своимъ, во славу же Христа Бога нашего, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ ОДНОГО БУДДИСТА ПРОТИВЪ ДАОССКАГО УЧЕНІЯ.

О. Самый важный и основной пунктъ даосскаго ученія есть понятія ихъ о *дао*. *Дао*, по ихъ толкованію, есть нѣчто не матеріальное, что однакожь проникаетъ повсюду; Оно присуще каждому человѣку,—такъ что внѣ человѣка собственно нѣтъ и *дао*. Когда употребляютъ его въ дѣло, оно является,—а когда отвергають—исчезаетъ. Кто вполне постигъ и усвоилъ его, тотъ избѣгнетъ несчастій и будетъ пользоваться продолжительною жизнію; а кто противится его законамъ, тотъ впадаетъ въ несчастія и вредитъ собственной жизни. Въ этомъ смыслѣ *Лаоцзы* сказалъ, что когда мы небрежемъ о тѣлѣ, то тѣло болѣе и болѣе укрѣпляется, т. е. когда мы нецѣнимъ себя слишкомъ высоко, не презираемъ другихъ, не пристращаемся къ чувственнымъ удовольствіямъ то тѣмъ самымъ укрѣпляемъ свою жизнь. Кто же, говоритъ *Чжуанъ-цзы*, заботится о жизни, тотъ неживетъ, т. е., кто щадитъ свое тѣло, презираетъ ближняго, гордится, пристращается къ удовольствіямъ и заботится только о средствахъ къ устраненію всѣхъ непріятностей, случающихся въ жизни, тотъ служитъ предметомъ ненависти для другихъ, навлекаетъ на себя обиды, стыдъ и сокращаетъ свою жизнь. Вотъ первый пунктъ кореннаго даосскаго ученія. Этотъ взглядъ прилагается и къ государственному управленію. Если государь, по ученію *Лаоцзы*, будетъ избѣгать предметовъ роскоши, жить въ скромныхъ палатахъ, окружать себя небольшою свитой, облагать своихъ подданныхъ незначительными податями, покровительствовать всѣмъ отраслямъ народной промышленности, то и тронъ его будетъ непоколебимъ, подданные будутъ наслаждаться благоденствіемъ; вѣтры и дожди будутъ являться благовременно, солнце и луна правильно совершать свое теченіе и счастливые годы будутъ слѣдовать одни за другими въ безконечные вѣка. Такъ было въ правленіе государей *Яо* и *Шуня*. Но государи расточительные и гордые, утопающіе въ роскоши, обременяющіе народъ тяжелыми налогами, учреждающіе жестокіе законы и не уважающіе права невинныхъ производятъ то, что вѣтры и дожди являются не во время, свѣтила совращаются съ своего пути, подданные волнуются, возникаютъ повсюду грабительства и мятежи,—и династія приходитъ въ упадокъ. Такъ было при перемѣнахъ древнихъ династій: Такимъ образомъ главная цѣль,

къ которой вѣдетъ сообразованіе съ вѣчною силою (*дао*), состоитъ въ достиженіи благоденствія народнаго вообще и долготѣтя каждаго человѣка въ честности. Правда, что въ древнихъ даосскихъ книгахъ встрѣчается выраженіе, что человѣкъ можетъ не умирать,—но это говорится только о благополучномъ прожитіи самаго долгаго вѣка человѣческаго, который Лаоцзы опредѣлилъ въ 120 лѣтъ. Что касается до философской глубины, которой хвалятся даосы, то дѣйствительно мы находимъ у нихъ темныя выраженія, которыя походятъ на глубину. Такъ Лаоцзы опредѣлилъ *дао* сказавъ, что оно есть изъ глубочайшаго глубочайшее (т. е. таинственнѣйшее и превосходнѣйшее). Оба эти термина показываютъ только напряженное дѣйствіе ума, желающаго дойти до самой сущности вещей; и такъ какъ умъ самъ себѣ не владыка, то и предметъ его изслѣдованія дѣлается темнымъ и непостижимымъ. Употребивъ неопредѣленный терминъ—изъ *глубочайшаго*, Лаоцзы еще болѣе затемнилъ смыслъ, прибавивъ слово: *глубочайшее*. Даосы называютъ свое *дао* прямымъ, истиннымъ, великимъ; они толкуютъ, что, шествуя согласно съ этимъ *дао*, они идутъ прямо—неуклоняясь, дѣйствуютъ истинно—безъ всякой лжи, и въ этомъ поставляютъ свое величіе и гордость; но приложимы ли эти качества къ *дао*? Какъ сила разумнія, оно въ самомъ себѣ не имѣетъ разумнаго свойства. Человѣкъ въ свихъ дѣйствіяхъ можетъ уклоняться отъ него, или шествовать по нему—по волѣ. Названіе великаго нейдетъ къ нему потому, что понятіе великаго относительно, и есть только дѣйствіе ограниченнаго ума. Даосы совмѣщаютъ все существующее въ сферу четырехъ началъ: *дао*, неба, земли и человѣка. Но такъ какъ *дао* не имѣетъ опредѣленной субстанціи и проявляется только въ дѣйствіяхъ человѣка, не выстуая изъ его сферы, то оно въ своихъ размѣрахъ сообразуется съ небомъ, землею и человѣкомъ, вращаясь въ міръ перерожденій и подчиняясь земнымъ условіямъ. Слѣдовательно несправедливо ему даютъ названія прямого, истиннаго и великаго. *Дао* называется также у даосовъ основаніемъ верховнаго блаженства. Но если оно вращается только въ сферѣ человѣка и не имѣетъ самобытности, то можетъ ли доставить блаженство? Самаго выраженія—блаженства—прежде не было у даосовъ; оно заимствовано изъ буддизма. Святимъ даосы поклоняются изъ подражанія буддистамъ. У буддистовъ святыни суть: Будда, его ученіе и духовенство, а у Лаоцзы святынями называются любовь, умѣренность и скромность. Конечно, эти свойства полезны и уважаются даже между мірянами, но въ какомъ смыслѣ даосы чтутъ ихъ и каждое утро поклоняются имъ? Что посредствомъ упражненія въ ученіи

дао можно летать по воздуху на аистахъ, или возлетать на орлахъ въ млечный путь,—объ этомъ не говорится ни въ сочиненіяхъ Лаоцзы, ни у Чжуанъ-цзы. Эти выраженія почерпнуты изъ книги *Шень-сянь-чжуанъ* (сказаніе о духахъ и святыхъ), въ которой несправедливо приписываются эти мысли философу Лаоцзы. Правда, святые достигали такого высокаго состоянія посредствомъ чудесныхъ травъ и чудотворныхъ пилюль (дань), но вовсе не отъ упражненія въ ученіи *дао*. Притомъ же сочиненіе *Шень-сянь-чжуанъ* наполнено подложными сказаніями и баснями, и поэтому не имѣетъ авторитета достовѣрной и серьезной книги. Напримѣръ извѣстно, что во времена Ханьской династіи князь *Хуанъ-нань* за преступленія въ даосскомъ созерцалищѣ (обитель) былъ заключенъ въ темницу, гдѣ предалъ себя насильственной смерти; между тѣмъ въ преданіяхъ о духахъ и святыхъ сказано, будтобы онъ, получивши таинственныя средства отъ святыхъ, среди бѣлаго дня возлетѣлъ на небо. Таковыто вообще у даосовъ духи и святые. По даосскимъ книгамъ—святые могутъ управлять стихіями и обтекать въ воздушныхъ пространствахъ повсюду. Эти выраженія появились въ первый разъ въ подложной книгѣ *Линъ-бао*, гдѣ упоминается о баснословной горѣ юй-цзинъ-цай и о томъ, что Тянь-цзунъ по окончаніи своей проповѣди на этой горѣ, окруженный духами и небожителями, шествовалъ по облакамъ, и потомъ вознесся въ высprenніе міры—въ свое чудное жилище; эта торжественная процессія была сопровождаема пѣніемъ гимновъ. Правда—есть сказаніе о томъ, что философъ Лѣ-цзы могъ при помощи вѣтра летать по воздуху, но то же сказаніе прибавляетъ, что онъ совершалъ свои воздушныя путешествія непрямыми силами природы, но таинственными. При томъ это есть не болѣе, какъ аллегорическое изображеніе людскихъ мечтаній и надеждъ.

В. Даосы, подобно буддистамъ, разсуждаютъ о воздаяніяхъ за прежнія дѣла, о разрядахъ перерожденій, объ адѣ и раѣ, о грѣхахъ и добродѣтеляхъ, у нихъ есть моленія объ избавленіи отъ несчастій, также строгіе посты и правила поведенія; по части обрядовой—есть у нихъ моленія, называемыя *сань-лу*, и празднества—*Санъ-юань*; наконецъ они совершаютъ таинственное служеніе *Чженъ-цзяо*, имѣющее чудотворныя дѣйствія.

О. Основныя идеи даосскаго вѣроученія заключаются въ сочиненіяхъ *Лаоцзы*, *Чжуанъ-цзы* и трактатѣ *Ль-цзы*, но въ нихъ вовсе не говорится ни о законѣ воздаяній, ни о разрядахъ перерожденій, ни о дѣлахъ, влекущихъ перерожденія, ни объ адѣ и раѣ, равно какъ не объяснено ни грѣховъ, ни добродѣтелей. Всѣ эти предметы

вѣроученія заключаются въ подложныхъ книгахъ, составленныхъ въ познѣйшее время въ подражаніе буддѣйскому ученію. Обратимъ вниманіе на преданія даосовъ. Они увѣряютъ, будто бы Тянь-цзунъ проповѣдывалъ свое ученіе до государей *Яо* и *Шуня*—во времена древнихъ трехъ государей (*Фу-си*, *Шень-нуня* и *Хуандіа*), что въ тѣ отдаленныя времена обычаи были просты и нравы людей не были испорчены; тогда люди не знали гордости и обмана—и все текло въ порядкѣ безъ нужды въ законахъ. Но уже Лаоцзы сочинилъ свою книгу про упадокъ Чжоуской династіи, спустя цѣлый рядъ государей этой династіи, когда сами они не отличались мудростію и правители областей часто поднимали знамя бунта, когда обряды и музыка учреждались удѣльными князьями, когда большій притѣснялъ меньшаго—сила господствовала надъ слабостью. Люди этого времени сдѣлались уже коварны и обычаи ихъ далеко уклонились отъ простоты. Почему же Тянь-цзунъ, проповѣдавшій свое ученіе въ лучшія времена, трактуетъ объ адѣ и рабѣ, о воздаяніяхъ, перерожденіяхъ и дѣлахъ, влекущихъ перерожденія,— между тѣмъ какъ Лаоцзы, жившій уже въ вѣка развращенные, проповѣдывалъ о бездѣйствіи, безстрасіи, чистотѣ, мягкосердіи и воздержаніи? Отчего выходитъ такая несообразность въ самыхъ предметахъ вѣроученія? Очевидно—отъ того, что буддѣйскіе трактаты о воздаяніяхъ и перерожденіяхъ никогда не могутъ быть въ строгой гармоніи съ ученіемъ, вытекающимъ изъ основныхъ даосскихъ началъ. Обряды *Сань-лу* (3 лу) и *Сань-юань*, помѣщенные въ книгѣ Линь-бао, не относятся также къ области даосскаго вѣроученія. Они изобрѣтены даосами Вэнь-миномъ и Сю-цзиномъ, и сами по себѣ нелѣпы. Подъ именемъ трехъ *лу* они разумѣютъ нефритовую *лу*, золотую *лу* и желтую *лу*: нефритовая *лу* есть обрядъ для государя, золотая—для князей и вельможъ, а желтая—для простого народа. Въ этихъ обрядахъ поклоняются духамъ солнца и луны, звѣздъ и планетъ, духамъ пяти священныхъ горъ, святымъ и небеснымъ судьямъ, рѣкамъ и водянымъ духамъ, умоляютъ ихъ о счастіи, о дарахъ и способностяхъ и о пріобрѣтеніи богатствъ; при этомъ даосы ярко иллюминуютъ свои капища съ мыслию—пріобрѣсти больше масла и свѣчей отъ своихъ поклонниковъ. Но непохожи ли молитвы даосовъ на молитвы гадателей? Когда неправильно просишь о счастіи, можетъ ли духъ снизойти на молитвы? Подъ именемъ *Сань-юань* (3-хъ началъ) разумѣются три періода времени, назначенные для служенія. 15-го числа 1-ой луны бываетъ первое начало, 15-го числа 7-ой луны—среднее начало, 15-го числа 10-й луны—последнее начало. Даосы вѣрятъ, что въ продолженіе 3-хъ сказанныхъ дней три Правителя—неба, земли и

воль—повѣряютъ дѣйствія людей и разбираютъ ихъ грѣхи и добродѣтели; поэтому, говорятъ они, въ эти дни нужно поститься и приносить покаяніе въ своихъ грѣхахъ. Тайнственное судилище даосское строго, какъ и мірскіе законы. Обыкновенно такъ бываетъ въ мірѣ, что каждый виновный, пока его проступки не сдѣлались гласными, если добровольно сознается въ нихъ, получаетъ прощеніе,—но послѣ обнаруженія его проступковъ другими, хотя бы онъ и сознался, терпитъ должное наказаніе. Въ подражаніе этому и у даосовъ, кто прежде извѣстныхъ трехъ періодовъ жертвоприношеній принесетъ жертвы тремъ духамъ и раскается во грѣхахъ, тотъ легко получаетъ въ нихъ прощеніе; но если въ установленныя времена жертвоприношеній слѣды его преступленій обнаружатся, то, хотя бы онъ и приносилъ въ нихъ раскаяніе, прощеніе рѣшительно невозможно, потому что относятся къ разряду скрытыхъ. Если и между мірянами, прибавляютъ даосы, тяжкія преступленія не прощаются, то Тайнственное судилище можетъ ли прощать? Напрасно даосы, по своему ослѣпленію, установили подобныя строгости. Все у нихъ—обманъ и подлогъ: у нихъ нѣтъ никакого основанія ни для поста, ни для покаянія,—нѣтъ и прощенія во грѣхахъ. Все эти суевѣрія придуманы Сю-цзиномъ и нисколько не относятся къ коренной даосской вѣрѣ. *Чженъ-цзяо* есть особый родъ жертвоприношенія, или жертвеннаго служенія: этотъ обрядъ существуетъ съ древнихъ временъ и описанъ въ книгѣ объ обрядахъ. Въ послѣднее время Даосъ *Даолинъ* устроилъ, въ подражаніе древнимъ, свой обрядъ, по которому приносятъ въ жертву вино. Даосы заимствовали этотъ обрядъ для своей пользы,—и онъ отнюдь не вытекаетъ изъ началъ даосскаго ученія. Приемы его относятся къ наукъ чародѣйствій и походятъ на приемы гадателей, знахарей, жертвоприносителей и заклинателей. Даоскіе кабалистическія знаки, употребляемые при заклинаніяхъ (*Фу-минъ*), относятся къ наукъ чародѣйства, которая имѣетъ дѣло съ демонами и духами: поэтому неудивительно, что они имѣютъ иногда удачныя дѣйствія, или, по выраженію даосовъ, чудотворную силу.

В. Даосы хвалятся древностію своего названія—*Дао-ши* и костюмовъ, ими употребляемыхъ, равно какъ великолѣпіемъ храмовъ и обрядовъ, въ нихъ совершаемыхъ.

О. Слово—Даосъ (*Дао-ши*) дѣйствительно получило свое начало въ древнія времена. Оно извѣстно было далеко ранѣе, чѣмъ появились даосскія шапки съ отворотами (*банъ-гу*), желтые плащи, кумиры Тянь-цзуня и книги Линъ-бао,—но прилагалось вообще къ мудрецамъ. Такъ знаменитые мужи древности *Гуанъ-чэнъ*, *У-гуанъ*, *Чао-ю* и *Цзю-синъ-цзи*, которые держали себя гордо и даже

въ обращеніи съ государями и князьями, не смѣшивались съ толпой и постоянно были заняты размышленіемъ о высокихъ предметахъ,—назывались даосами. Потомъ носилъ это названіе *И-жунъ*, которому государь жаловалъ увеселительныя мѣста, гдѣ онъ проводилъ жизнь въ уединеніи, воспѣвая природу. Въ позднѣйшее время явилось общество, которое исключительно посвятило себя искусству добывать дары безсмертія и занялось волшебствомъ алхиміи. Всѣ члены этого общества назвались также даосами; одежду они носили одинаковую съ мірянами и отличались отъ послѣднихъ только своими занятіями. Когда буддійское ученіе вошло въ Китай, алхимикъ Гэ-сюань обратился съ докладомъ къ государю У-цюань, которымъ просилъ содѣйствія къ распространенію даосскаго ученія и о дарованіи даосамъ нѣкоторыхъ преимуществъ предъ буддистами. Вслѣдствіе этого по повелѣнію Государя, впервые учреждено для даосовъ подворье и воздвигнута великолѣпная башня. Здѣсь Гэ-сюань написалъ подложныя св. книги. Послѣ него Сунъ-вэнь-минъ и другіе даосы прибавили число подложныхъ книгъ и учредили способы содержанія поста, обряды, извѣстные подъ именемъ *лу*, составили молитвы для утреннихъ поклоненій и возжиганія благовоній, образецъ служебныхъ жертвенниковъ, форму платья, шапокъ и обуви, колѣнопреклоненія, земные поклоны и круговые обходы; по ихъ правиламъ даосу впервые воспрещено вступать въ бракъ и употреблять скоромную пищу. Въ послѣдствіи Лу-сю-цзинъ установилъ названія костюмовъ даосскихъ. Съ этого времени явились лунные плащи (*юэ-пэй*), звѣздные шапки (*синъ-цзинъ*), радужныя одежды (*ни-шанъ*), одежды съ изображеніемъ облаковъ на рукавахъ (*ся-сю*), устроены 9-ти цвѣтныя драгоцѣнныя балдахины и 10-ть чудесныхъ хоругвей. Этотъ обрядовый составъ даосскій нравился современникамъ и даже увлекъ многихъ государей. Изъ нихъ государь У-ди—Лянской династіи оказывалъ знаки особеннаго вниманія и уваженія къ ученію даосскому,—но впоследствии, узнавши недостатки этого ученія, самъ писалъ противъ него полемическія сочиненія. Впрочемъ не всѣ даосы увлеклись страстью къ подлогамъ. Такъ знаменитый даосъ *Та-хунъ-цзинъ*—человѣкъ съ высокимъ умомъ и образованіемъ, устроившій особенной формы одежды и шапки и перемѣнившій названіе даосскихъ общежитій изъ *подворьево* въ *созерцалища*¹⁾, до того презиралъ вновь составленную книгу Линъ-бао, что написалъ противъ нея множество опроверженій. Итакъ наз-

¹⁾ То и другое по китайски называется *Гуань*, но соотвѣтствующія этому выговору буквы или знаки пишутся не одинаково.

ваніе—*Даосъ* существуетъ отъ лѣтъ древнихъ, но древностію своихъ храмовъ, обрядовъ и св. одеждъ даосы похвалиться не могутъ.

В. У даосовъ существуетъ обычай монашества, какъ и у буддистовъ у нихъ есть не только *дао-ши* (монахи), но и *нюй-гуани* (монахини), которые слѣдуютъ одинаково извѣстнымъ 10-ти правиламъ и посвящаются въ монашество по особому обряду.

О. Обычай монашества возникъ въ западныхъ странахъ. Такъ Шакьямони, отказавшись добровольно отъ престолонаслѣдія и покинувъ своихъ женъ, презрѣлъ все мірскія связи и вступилъ въ подвижничество; чрезъ шесть лѣтъ онъ достигнулъ святости Будды,— и своимъ примѣромъ обратилъ въ монашеское званіе многихъ. Но въ Китаѣ съ древнихъ временъ нѣтъ обычая отказываться отъ условій семейной жизни; и ученіе даосское, какъ возродившееся и образовавшееся подъ вліяніемъ Китайскихъ понятій, не заключаетъ въ себѣ ни одной мысли о монашествѣ. Самъ Лаоцзы— основатель этого ученія, имѣлъ жену и исправлялъ при Чжоуской династіи должность Придворнаго Историка; онъ былъ обыкновенный мірянинъ—безъ претензій на дѣвственность. Изъ исторіи извѣстно, что у него былъ сынъ по имени *Цзунъ*, и потомъ внукъ—*Дуанъ*; этотъ послѣдній былъ чиновникомъ въ Вэйскомъ княжествѣ,—и въ послѣдствіи его потомокъ—*Цзяо* былъ наставникомъ у одного наслѣдника престола. Кромѣ того самыя сочиненія Лаоцзы не даютъ никакого намека на безбрачіе; напротивъ онъ въ одномъ мѣстѣ книги *Дао-дэ-цзинъ* говоритъ, что потомство будетъ многочисленно и никогда не прекратится у того, кто станетъ дѣйствовать по его ученію. Видно ли изъ этого воспрещеніе брачныхъ связей? И такъ ясно, что теперешній обычай у даосовъ вести безбрачную жизнь заимствованъ у буддистовъ. Разница только въ томъ, что буддійскіе монахи принимаютъ 250, а монахини 500 правилъ,—а *дао-ши* и *нюй-гуани* по 10 одинаковыхъ правилъ. Буддійскія монахини ограждены большимъ числомъ правилъ, безъ сомнѣнія, въ предотвращеніе искушеній, которымъ онѣ, по немощи своей природы, чаще могутъ быть подвержены, чѣмъ мужчины; но даосы, не вникнувъ въ свойства природы человѣческой, предписали одинаковыя правила для монаховъ и монахинъ, впрочемъ и эти 10 заповѣдей заимствованы ими у буддистовъ. При постриженіи въ монашество они наблюдаютъ суевѣрный обрядъ врученія рисунковъ, которые бывають трехъ родовъ: *Чжень-вэнь*, *шанъ-цинъ* и *фу-лу*. *Чжень-вэнь* и *Шанъ-цинъ* пишутся обыкновенно на кускахъ матеріи съ присоединеніемъ кабалистическихъ начертаній. *Чжень-вэнь* бываетъ трехъ родовъ. На рисункахъ перваго рода изображаются восемь свѣтилъ—

солнце, луна, звѣзды и планеты; на рисункахъ второго рода изображаются пять святыхъ старцевъ; на рисункахъ третьяго рода пять священныхъ горъ. Каждый родъ этихъ рисунковъ имѣетъ особое назначеніе. На изображеніяхъ *шанъ-цингъ* пишутся въ срединѣ степени небесныхъ правителей, обитающихъ на небѣ высшей чистоты (*шанъ-цингъ*), а по сторонамъ кабалистическіе знаки. Послѣ обряда постриженія даосы сначала принимаютъ 10 обѣтовъ, потомъ *чжень-вэнь*, и наконецъ уже *шанъ-цингъ*; даосъ, принявшій шанъ-цингъ, называется причявшимъ полное посвященіе. Начертанія *фу-лу* раздѣляются на множество родовъ. Такъ на примѣръ есть *лу* 1000 полководцевъ, *лу* 560 полководцевъ, *лу* 5 великихъ полководцевъ и пр. Даосы, удостоившіеся принятія этихъ *лу*, имѣютъ право совершать заклинанія и служеніе.

Наконецъ нашъ авторъ заключаетъ свое сочиненіе краткимъ обзорѣніемъ религій—ученыхъ и даосской, имѣя въ виду показать существенное различіе между ними и недостаточность обѣихъ предъ буддизмомъ.

Религіи—ученыхъ и даосская, говоритъ онъ, во многомъ отличны одна отъ другой. Во времена глубокой древности прежде всего составлены восемь триграммъ, и при каждомъ изъ нихъ по 6-ти поясненій, (*ло*)—послужившіе въ послѣдствіи основаніемъ письменности и самой религіи ученыхъ. Потомъ явились сочиненія—*Сань-фынъ* (три могилы), наполненныя изреченіями трехъ древнихъ государей, и *У-дянь* (пять условій), касающіяся общественныхъ постановленій при пяти императорахъ. Послѣ того *Вэнь-цингъ* составилъ обряды и установилъ музыку. Въ послѣдствіи Конфуцій, на основаніи памятниковъ древности, исправилъ книгу стихотвореній (*Ши-цингъ*), истолковалъ книгу превращеній (*И-цингъ*) и установилъ разграниченіе между государемъ и подданными, благороднымъ и низкимъ, отцомъ и сыномъ, старшимъ и младшимъ, мужемъ и женой и между друзьями. Общее содержаніе нравственнаго ученія, предписываемаго религіею ученыхъ, слагается изъ нѣсколькихъ добродѣтелей, или правилъ. Они научаютъ вѣрности и преданности по отношенію къ государю, почтительности и братской любви по отношенію къ старшимъ, скромности и смиренію по отношенію къ самому себѣ, любви и благосклонности по отношенію къ другимъ вообще, вѣрности и справедливости по отношенію къ связямъ, умѣренности и уступчивости по отношенію къ своимъ дѣйствіямъ. Ученою религіею также введена словесность для просвѣщенія народа, учреждено военное искусство для усмиренія волненій, установлены жертвы духамъ для заслуженія ихъ благосклонности и

поклоненія предкамъ въ знакъ почтенія имъ и положено начало искусствамъ и ремесламъ. Вслѣдствіе преступленій, обмановъ и подлоговъ составлены уголовные законы и наказанія. Но изслѣдуя это ученіе мы не находимъ никакой мысли ни о будущихъ воздаяніяхъ, ни о дѣлахъ и причинахъ прошедшаго времени, ни о дѣлахъ добрыхъ и злыхъ настоящаго времени,—но всякое дѣйствіе по этому ученію, получаетъ возмездіе въ настоящемъ вѣкѣ. Въ этомъ и состоятъ недостатки религіи ученыхъ и ея существенное различіе отъ ученія буддійскаго.

Ученіе даосовъ есть видоизмѣненіе религіи ученыхъ. Сущность этого ученія заключается въ сочиненіяхъ государя Хуандія и философа Лаоцзы. Сохранять плодотворное начало, воспитывать дыханіе и беречь въ себѣ свѣтъ, сохранять въ цѣлости жизнь и удалять все вредное, находиться въ бездѣйственномъ состояніи, умѣрять страхъ, укрощать порывы, пребывать въ чистотѣ душевной, умѣрять страсти и искоренять вождельнія,—вотъ главныя мысли древняго даосскаго ученія. Исходя изъ одного начала, оно раздѣлилось въ послѣдствіи на три рода, или толка. Высшій толкъ даосскаго ученія, основываясь на мнѣніяхъ Хуандія, стремится къ достиженію высшей святости, т. е. продолжать вѣчно жизнь, не нуждаясь въ пищѣ и ни въ какихъ матеріальныхъ пособіяхъ, необходимыхъ для продолженія жизни, летать по воздуху и превращаться. Средній толкъ, подражая исключительно идеѣ Лаоцзы и Чжуанцзы, трактуетъ о храненіи мягкосердія и искорененіи жестокости, самозабвеніи и уничтоженіи познавательныхъ способностей. Послѣдній толкъ принялъ аскеетическій характеръ. Послѣдователи этого толка презираютъ условія общественныя, изгоняютъ всякое благолѣпіе и привитаютъ въ скалахъ и ущельяхъ. Говоря вообще, ученіе даосское, въ сравненіи его съ буддійскимъ, совершенно неодинаково. Относительно кореннаго начала въ томъ и другомъ ученіи совершенно различныя правила и раздѣльные взгляды. Главная мысль Лаоцзы состоитъ въ мягкосердіи,—а въ буддійскомъ ученіи въ законѣ воздаяній. Существенное направленіе и цѣль даосскаго ученія—кончить жизнь въ самозабвеніи и пощеніи,—безчисленныя же средства буддійскія ведутъ къ погруженію въ Нирвану (т. е. въ состояніе—чисто духовное). Въ даосской св. книгѣ (Дао-дэ-цзинь) излагаются трактаты о самоусовершеніи и законахъ управленія государствомъ,—а у буддистовъ толкуется объ отверженіи всего мірскаго и средствахъ къ достиженію святости. Правда, въ сочиненіяхъ Лаоцзы говорится объ изгнаніи предубѣжденій, отверженіи вѣшняго міра, прекращеніи разумныхъ движеній и

самозабвеніи,—но въ дѣйствіяхъ у него нѣтъ руководительнаго начала. Упражненіе его ограничивается кругомъ людскимъ, и самая высшая цѣль есть продолжительная жизнь. А ученіе буддійское изыскиваетъ причины явленій, смотря по родамъ—раздѣляетъ явленія, смотря по воспріемлемости предписываетъ правила, отъ ближайшаго восходитъ къ отдаленнѣйшему, отъ мелкаго къ глубокому и приводитъ къ единичному состоянію духа и проявленію истиннаго тождества (т. е. къ отверженію всякой особенности существъ и вещей).

Иеромонахъ Павелъ Цветковъ.

Пекинъ.

1 Марта 1852.

—•—•—•—•—•—•—

Дневникъ, веденный въ Пекинѣ съ 1-го декабря 1830-го года.

Вскорѣ Н. И. пришелъ предложить мнѣ, неудобно ли отправиться посмотрѣть Хань-ливъ-юань, куда приглашаетъ прежній ихъ китайскій учитель, съ мѣднымъ шарикомъ рѣзнымъ, служащій при ономъ, онъ 7-й степени и находится на вакансіи въ 6-ю; по полученіи коей, надѣется получить гдѣ-нибудь въ провинціи мѣсто городничаго. О. В. предложилъ мнѣ свой экипажъ, и я какъ былъ въ русскомъ платьѣ, т. е. въ сертукѣ съ эполетами и ексельбантомъ поѣхали съ Николаемъ Ивановичемъ чего желалъ и учитель, отправившійся впередъ. Мы въѣхали на первый дворъ, гдѣ и оставили свой экипажъ,—служитель тутъ находившійся тотчасъ побѣжалъ вызвать учителя, который явившись вмѣстѣ съ смотрителемъ повели насъ по всѣмъ заламъ сей академіи китаяской учености.

Прошедъ I дворъ мы вступили изъ воротъ въ галерею безъ мебели гдѣ во время бывшихъ собраній при посѣщеніи сего мѣста государемъ заставляють министры,—черезъ 60 лѣтъ государи обязаны посѣщать оное. Надъ дверьми есть древнія съ надписями доски пожалованныя сему мѣсту Г. Ванли. Отсюда мы вошли въ большой залъ также галерею назначенную для торжественныхъ собраній, у боковыхъ стѣнъ оной поставлены на подножкахъ большіе черныя доски съ китайскими начертаніями, также пожалованныя Государемъ Ванли. Далѣе насъ повели въ боковое отдѣленіе состоящее изъ трехъ комнатъ. Средняя убрана столами и табуретами, равно и боковая съ права, тутъ есть канъ,—въ семь отдѣленіи обыкновенно собираются присутствующіе и, какъ видно главные лица бывають нечасто, ибо толстые слои пыли покрываютъ давно уже выбѣленные стѣны, противъ дверей на стѣнѣ комнаты есть доски съ 4-мя золотыми литерами, насъ просили войти въ боковую направо, и здѣсь

также есть черныя доски мелко исписанныя китайскими литерами. Я спросилъ что означаетъ сія надпись. Учитель сказывалъ, что во время Цянь-луня въ дѣто его царствованія, одинъ изъ ученыхъ написалъ похвальное слово сему Ученому мѣсту и поднесъ Государю во время занятія его звѣриною травлею. Государю понравилось оное и по одобреніи всѣми учеными, императоръ приказалъ, начертать сіе похвальное слово на доскѣ и поставить въ семь отдѣленій. Насъ здѣсь подчивали чаемъ. Учитель сказывалъ что здѣсь хранятся двѣ только книги одна обнимающая всѣ возможныя свѣдѣнія и разсужденія о всѣхъ предм. или Энциклопедія, въ лѣвой большой комнатѣ сего отдѣленія, мы заглянули въ продранную скважину двери и дѣйствительно увидѣли многотомное сочиненіе, помѣщенное въ 7 шкафахъ, а другое гораздо важнѣйшее, состоящее изъ 10 т); тетрадей, помѣщенное въ зданіи гдѣ стоитъ тронъ императорскій. Зданіе сіе замкнуто и никто не можетъ туда войти, что намъ объявилъ учитель.—Оба сіи сочиненія напечатаны токмо въ одномъ экземплярѣ, печатные находятся въ Императорской Библіотекѣ въ особенныхъ запертыхъ шкафахъ, отъ коихъ ключъ хранится у самого Императора, оригинальныя же письменныя находятся здѣсь. Книги сіи печатныя одинъ токмо разъ въ годъ въ дѣтнее время просушиваются, для чего назначается отъ императора день и важные министры, которые раскладываютъ оныя на столы, само собою разумѣется, что только приказъ исполняется не въ самой строгости. Посидѣвъ нѣсколько, мы просили учителя показать еще примѣчательное, что здѣсь есть, и онъ сдѣлалъ намъ сюрпризъ, отворивъ запертую калитку на упомянутый IV дворъ. И видно, что сюда воспрещенъ входъ, ибо дворъ поросъ высокими бурьяномъ. Небольшія бесѣдки въ немъ поставлены въ сажень вышины и въ $\frac{1}{2}$ аршина ширины, камни покрыты съ лица черною краскою, по оной сдѣланы на двухъ языкахъ китайскомъ и манчжурскомъ надписи. Камни сіи поставлены императоромъ Цянь-лунемъ. Вокругъ бесѣдокъ сдѣланъ выложенный камнемъ ровикъ, наполняемый наливною водою. Отъ сихъ памятниковъ мы пошли къ главному зданію, обращенному лицомъ или окнами и входомъ къ сѣверу. Учитель отперъ двери и мы очутились предъ трономъ Богдохана. Зала сія занимаетъ все строеніе. Посрединѣ оной сдѣланъ амвонъ обѣ одной ступеньки, на коемъ стоитъ тронъ или большое кресло съ позолотой; накрытый желтою дабою передъ нимъ поставленъ столикъ и на ономъ деревянный простой ящикъ съ висячимъ мѣднымъ замкомъ; въ семь ящикѣ хранятся собственноручно писанныя оглавленія предметовъ содержащихся въ книгѣ, съ краткимъ объясненіемъ императоромъ Цянь-лунемъ; по сторонамъ трона поставлены большіе открытые шкафы или полки перпендикулярно ко входу, такихъ я насчиталъ до 40.—Оныя занимаютъ всю залу съ малыми промежутками, Смотритель визвался, что можно посмотришь книги. Мы просматривали нѣсколько тетрадей оныхъ, на бѣлой прекрасной бумагѣ, писано весьма красивымъ почеркомъ, но любопытство мое стремилось во внутренность ящика. Я спросилъ учителя, гдѣ же хранится ключъ отъ онаго, онъ сказалъ, что у императора, и видя мое любопытство, къ чрезвычайному нашему удивленію, вынулъ замокъ съ дробомъ, потомъ составилъ ящикъ на полъ, вытащилъ изъ онаго кипу завернутой въ желтую шелковую матерію, подбитою малиновой шелковой же матерію. Въ сей книгѣ я насчиталъ 20 тетрадей въ желтомъ кожанномъ переплетѣ, писанныхъ собственноручно императоромъ Цянь-лунемъ. Оныя содержатъ какъ я прежде упомянулъ оглавленіе съ толкованіемъ сего огромнаго творенія. Писаны весьма красивымъ и чистымъ почеркомъ на отличной бумагѣ. Каждый листъ скрѣпленъ собственною император-

скою круглою малою печатью, а начальная и конечная страницы имѣютъ сверхъ сего большія государственныя четырехугольныя печати. Полюбовавшись симъ безсмертнымъ памятникомъ любви къ наукамъ Государя Цянь-луня, мы благодарили любезнаго учителя за его услужливость,—тетради сіи снова завернули и пробой всунули какъ бы и ни въ чемъ не бывало. Послѣ сего намъ показали 4 большія каменные имѣющія въ квадратѣ до 2 аршинъ доски, сданныя сюда Императоромъ Ванли, на каждой высѣчено по одной большой китайской литерѣ съ оригиналовъ своеручно имъ писанныхъ. Потомъ мы осматривали шкафы съ книгами. У третьей стѣны залы поставлены три большіе мраморные камня съ надписями, также даны сюда императоромъ Ванли. У одной изъ стѣнъ находятся четыре камня вычерпанные съ лица, на оныхъ начертаны большія литеры по приказанію императора Цзя-цина—правила, коими должны руководствоваться члены сего ученаго мѣста. Симъ окончили мы осмотръ Хань-линь-юаня. Учитель просилъ зайти напиться чаю, насъ провели въ боковой дворъ переулочкомъ въ одинъ домикъ весьма чистенькій и хорошо убранный, кажется оный принадлежитъ смотрителю. Вскорѣ начали приходить разные чиновники, впрочемъ безъ шариковъ, къ дверямъ съ двухъ сторонъ отворенныхъ набилось пропасть молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, нѣкоторыя изъ нихъ показались мнѣ весьма недурными, только слишкомъ набѣленные, всѣ онѣ разодѣты, почему я и замѣтилъ, что учитель вмѣстѣ желая удовлетворить наше любопытство, хотѣлъ тоже и своимъ показать меня въ блестящемъ мундирѣ. Просидѣвъ съ 1/2 часа времени, мы откланялись, бывъ провожаемы до самыхъ послѣднихъ воротъ.

Относительно наружнаго вида зданія нечего сказать, ибо оно совершенно подобное доселѣ мною видѣннымъ. Въ Хань-линь-юани ветхо и нечисто содержится. Учитель слыша, что я былъ въ Лифа-юань, замѣтилъ, что у нихъ хуже, ибо все ветхое, а то присутственное мѣсто недавно возобновлено, что однако же непримѣтно.

6-го Февраля 1831 года. Пятница. По утру въ 6 часовъ 3^о—холода, весь день былъ отличнѣйшій, въ полдень сдѣлалось гораздо теплѣе. Вечеръ и ночь тихіе и свѣтлые.

По-утру въ 8 часовъ, племянникъ Фое, прислалъ къ І. Павловичу, что если мнѣ и ему угодно, то онъ приглашаетъ насъ пріѣхать немедленно въ кумирню Джань-тань-сы, на планѣ о. Такинфа оной неозначено, гдѣ онъ насъ будетъ ожидать. Собравшись на скоро мы отправились. Я въ каретѣ на о. Веніамина лошади, а І. П.—въ нѣемной. Кумирня сія, какъ мнѣ кажется, находится недалеко отъ сѣверо-западнаго угла Хуан-чена. Проѣзжая мимо Цянь-мынь, гдѣ насило могли продраться за множествомъ экипажей, мы видѣли бездну придворныхъ носильщиковъ въ красныхъ кафтанахъ несшихъ обратно во внутренность дворца изъ храма Неба, гдѣ Хуанди (императоръ) приносилъ 5 го числа жертвы, различные парадные знаки; верхушка желѣзная, ручка или палка красная; за сими въ безпорядкѣ возвращались слоны съ жертвенными сосудами. Сегодня мы видѣли только трехъ. Съ 4-го числа уже лавки открыты въ городѣ всѣ и народъ по прежнему кипитъ на улицахъ. Къ кумирнѣ мы ѣхали небольшими улицами и переулками, послѣдніе были для меня новы, но относительно только мѣста. Впрочемъ, что сказано объ одномъ переулкѣ Пекина, то можно сказать и о всѣхъ прочихъ. Насъ везли довольно скоро, но по времени довольно и долго, наконецъ подѣхали къ тремъ Тор. воротамъ кумирни, гдѣ собрались большія толпы народа и много было экипажей. Племянникъ ожидалъ насъ у воротъ

вмѣстѣ съ ламою изъ ю.-г. капища, который и былъ нашимъ провожатымъ. Вотъ внутреннее расположеніе капища: подѣ навѣсомъ парадныя ворота, небольшая кумирня на восточной и западной сторонѣ оной поставлены колоссальныя статуи, сдѣланныя изъ глины страшныхъ воиновъ (пуща). Узенькая панель, выложенная камнемъ, затѣмъ . . . огромныя шести, на коихъ по случаю новаго года вывѣшены флаги съ тибетскими надписями, каменные львы; капище съ подобными, какъ и въ первомъ статуями, сдѣланными подѣ бронзу. Посрединѣ статуя жирнаго *Мито-фо* въ нагомъ видѣ, ужасный брюханъ. Отъ сего капища идетъ возвышенный помостъ и *Судура* саж. 4 вышиной, выдѣленная и довольно красивая, подѣ коей по утвержденію племянника хранятся большія суммы серебра и золота; затѣмъ небольшая бесѣдка, также съ болванами. Восьмиугольная бесѣдка съ колоколомъ и бубномъ. На мраморныхъ черепахахъ огромныя съ надписями четыре камня; потомъ возвышенный помостъ, въ срединѣ площади возвышенная площадка съ перилами. Въ главномъ капищѣ, у сѣверной стѣны на возвышенности въ небольшой нишѣ стоитъ въ позолоченномъ видѣ статуя *Фое*, сдѣланная изъ дерева Нинь-му. Она представлена стоящею, въ позолоченной коронѣ, предѣ оною большой жертвенникъ, весь уставленный сосудами, свѣчами и другими украшеніями; по краямъ онаго съ западной, южной и восточней сторонъ поставлены маленькія мѣдныя лампы, числомъ до 100; оныя были всѣ зажжены; отъ жертвенника идетъ балдахинъ изъ разныхъ желтыхъ и другихъ цвѣтовъ шелковыхъ матерій. Прочіе стѣны запад. и восточ. заняты также разными статуями боговъ, и кажется сдѣланы изъ мѣди. Съ боковъ жертвенника, перпендикулярно ко входу поставлены по два длинныхъ стола покрытые желтой шелковою матеріею, на оныхъ лежали пестрыя ризы, употребляемыя въ служеніи верховными жрецами; осмотрѣвъ постепенно всѣ сіи капища мы вышли въ сѣверныя двери сего послѣдняго, предѣ оными, спиной къ упомянутой фоевской статуѣ, есть болванъ Пуща, довольно изрядно сдѣланный, онъ посаженъ на собакахъ, сдѣланныхъ изъ дерева подѣ темную бронзу. На слѣдующемъ дворѣ находится двухэтажное строеніе—также капище, вѣроятно же молельня. Вообще кумирня сія весьма, красива и чисто содержится, всѣ дворы исключая I-го вымощены гладкимъ камнемъ, а первый мраморомъ. Въ оной, какъ я прежде упоминалъ, живетъ маленькій *Фое*, несовершеннолѣтній. Такъ какъ еще было довольно рано, то племянникъ и просилъ насъ зайти къ одному знакомому ему ламѣ, чтобы посидѣть и отдохнуть. Насъ провели около стѣнъ капища, по ту онаго сторону, въ домикъ. Тутъ мы застали одного ламу изъ капища Хей-сы, весьма словоохотливаго. Племянникъ фоевскій выдалъ себя за русскаго. Лама намъ рассказывалъ, что статуя *Фое*, которую мы видѣли въ капищѣ, есть явленная первая въ Китаѣ, она будтобы (по выраженію ламы) сама пришла въ Пекинъ изъ Индіи,—Государь приказалъ оную позолотить. Индійцы искавшіе сію статую долго у себя наконецъ прибыли въ Пекинъ, видя ея признали своею, только незовѣмъ увѣрились, ибо позолоты ни какой не было, лишь только они стали дѣлать поклоненія, то и позолота съ нея спала, и тогда они совершенно убѣдились, что сія статуя есть Индійская. Говоруна ламу позвали, и мы остались только съ племянникомъ. Домикъ, въ которомъ насъ подчивали чаемъ, принадлежитъ здѣшнему молодому красивому ламѣ, онъ также принужденъ насъ былъ оставить, чтобы идти на службу. Костюмъ сего ламы хотя былъ и обыкновенный, но весьма чистый и франтоватый. На немъ былъ малиновый шелковый кафтанъ, сверхъ онаго шелковая желтая курма, чрезъ плечо искусно брошена красная тонкая шерстяная шаль, связанная на плечѣ шелковыми шнурами, которые об-

хватывали вмѣстѣ и талию. На головѣ онѣ имѣли желтую ламскую парадную шапку, у коей кисти не распадались по сторонамъ, но были связаны. Фоевскій племянникъ пояснилъ намъ, что такіе шапки означаютъ старшихъ ламъ или благочинныхъ. Между прочимъ мы отъ него узнали, что сегодня здѣсь будетъ отправлять церемонію не хутухта, но хамба, прибывшій изъ Жехора; хамба, по его выраженіямъ, есть самая высшая степень ламайская, то есть ученая, какъ въ Европѣ званіе Доктора. Изъ Тибета съ дарами къ Богдохану также прибылъ отъ Далай-ламы хамба. Отъ сего у насъ обратился разговоръ къ Тибету. Племянникъ пояснилъ намъ, что и разговорный языкъ тибетскій также многообразенъ какъ китайскій, по разнымъ племенамъ, что даже тибетцы одни другихъ не понимаютъ. Китайцы называютъ Тибетъ Си-цзанъ, тибетцы: Тубутъ и Тибетъ. Собственно Сицзаномъ называется мѣсто, лежащее въ юго-западныхъ горахъ, здѣсь былъ дворецъ Бана или Государя Тибетскаго, за коимъ была въ супружествѣ Китайская Принцесса Танской Династіи. По присоединеніи Тибета къ Чжунго (Китаю), здѣсь сдѣлано капище, каждый изъ гражданъ считаетъ обязанностію посѣтить оное одинъ разъ въ жизни. Вообще въ Тибетѣ мало скотоводство, жители бѣдны, особенно въ Сицзанѣ, ибо мѣста гористы, хлѣбопашествомъ занимаются мало, болѣе звѣроловствомъ. Далай-лама въ своей части владѣетъ и свѣтскою и духовною властію. Относительно обычаевъ племянникъ подтвердилъ намъ, что тѣло покойника, дѣйствительно изрѣзываютъ въ куски и бросаютъ птицамъ-орламъ, которые также привыкли, что уже по чутью прилетаютъ и если одинъ изъ орловъ взявши кусокъ бросить, то и прочіе не станутъ ѣсть, если птицы не ѣдятъ, то бросаютъ куски собакамъ, если и сіи не станутъ ѣсть, то куски человеческого мяса валяютъ въ мукѣ и подчиваютъ оными по порядку орловъ, и по отказу ихъ собакъ и наконецъ въ случаѣ и если бы тѣ и другіе отказались, то почитаютъ умершаго великимъ грѣшникомъ и тѣло его бросаютъ въ воду въ добычу волкамъ, а родственники призываютъ ламъ и молятся. Цянь-лунъ, запрещалъ сей обычай указомъ, но оный не подѣйствовалъ. Собаки такъ приучились къ сей пицѣ, что даже опасно живымъ людямъ, днемъ онѣ не смѣютъ, но ночью нападаютъ и растерзываютъ неосторожныхъ. Въ вопросахъ я отчасти повѣрялъ описаніе Тибета и сколько могъ замѣтить на память рассказы согласны съ описаніемъ. Просидѣвъ такимъ образомъ болѣе часа времени, мы пошли слушать молитвословіе. Племянникъ жаловался на ознобъ во всемъ тѣлѣ, его напоили тутъ же имбирною теплою водою. На первомъ дворѣ и особенно въ воротахъ на помостѣ народу бездна. На ступеняхъ капища стояли все китайки—манжурки, головной ихъ уборъ, состоящій изъ цвѣтовъ, въ толпѣ дѣлалъ пріятное зрѣлище для глазъ. Я замѣтилъ здѣсь, что многія имѣли въ ухахъ по 3 и 4 серги мѣдныхъ, продѣтыхъ въ одно перламутровое кольцо. Бѣлила наложены на лицахъ здѣшнихъ красавицъ весьма толстымъ слоємъ, румянъ немного, на нижней губѣ сурикомъ сдѣлано пятно; платье ихъ у всѣхъ одинакого покроя, редъ широкаго шлагка, достигающаго до икръ, съ широкими къ низу рукавами и длинными, которые заворачиваются и составляютъ родъ обшлага; кафтаны сіи какъ замѣтили изъ различныхъ матерій, болѣе голубаго цвѣта, были также и малиновые; подбой дѣлается желтый и малиновый. Около шеи онѣ обхватываютъ плотно и застегиваются дутыми пуговками. Изъ множества дѣвушекъ и женщинъ лица два неболѣе я замѣтилъ хорошенькихъ. Зоркіе глаза красавицъ тотчасъ отличили насъ отъ китайцевъ, и обращались довольно умильно; опросы переходили изъ устъ въ уста. На второмъ дворѣ также были женщины, незаставшія мѣсть при

капищѣ, на III собрались дѣйствующіе лица въ подобныхъ только гораздоболѣе ветхихъ костюмахъ ламы, какіе мы видѣли при церемоніи въ Капищѣ Юнхо-Гунъ. Мы прошли на IV дворъ и помѣстились возлѣ колонны, чтобы смотрѣть молитвословіе. Вскорѣ изъ западныхъ дверей стали выходить Да-ламы въ цвѣтныхъ шапкахъ съ красными шаями чрезъ лѣвое плечо, на нихъ были надѣты подѣ желтыми курмами придворные кафтаны, т. е. спитыми голубыми, малиновыми и свѣтлозелеными подолами. Въ числѣ сихъ вышелъ знакомый Тимковскому Чень-лама, увидавъ I П., онъ проворно подошелъ къ намъ и мы съ нимъ познакомились. Чень-лама весьма живой, говоритъ быстро и ловко. Приглашалъ къ себѣ и общалъ и самъ у насъ побывать. Спустя нѣсколько секундъ послѣ сего вынесли тронъ или кресло съ желтыми подушками изъ капища и поставили у большихъ южныхъ дверей лицомъ внѣ, предъ онымъ поставленъ столикъ накрытый пестрою матеріею подобною нашей шелковой парчѣ. А нѣсколько прежде сего вынесли пирамиду изъ тѣста въ видѣ огня сдѣланную (смотри опис. Г. церем.), предъ сею поставленъ былъ маленькій столикъ (6) съ семью мѣдными чашками и 4 тарелочками и кувшинчикъ мѣдный съ водою, предъ симъ металлическій ящикъ съ зажженнымъ можжевелникомъ. Съ боку (4) сѣли на полъ 4 ламъ въ большихъ шапкахъ и одеждахъ, какъ я описалъ выше молодого ламу, который и былъ въ числѣ оныхъ, подлѣ сихъ помѣстились столъ бубна. Наконецъ вышелъ изъ капища въ совершенно подобномъ костюмѣ, какъ былъ Глав. Фое во время служенія въ капищѣ Юнхо-Гунъ, Хамба, его посадили на кресла, поджавши ноги, и служеніе началось. Предъ нимъ вышли два мальчика, одинъ съ кадиломъ (3) подобнымъ нашему, только въ большемъ видѣ, а другой съ пучкомъ знаменитыхъ тибетскихъ свѣчъ, которые и сѣли предъ столикомъ, а также и вынесенъ былъ зонтъ на длинной палкѣ, сдѣланный изъ желтой матеріи (6). Правая сторона занята была любопытными, а лѣвая позади ламами (11). Хамба подалъ знакъ зазвонивъ въ лѣвой рукѣ находящимся у него колокольчикомъ, въ правой онъ держалъ маленькій жезликъ, къ коему привязанъ однимъ концомъ пестрый шелковый платокъ, и ламы начали густыми весьма низкими басами читать на распѣвъ съ мѣрнымъ тактомъ молитвы по тибетски, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хамба звонилъ и дѣлалъ, читая тихонько молитвы, разныя фигуры пальцами, складывая большой палецъ съ одной руки съ мизинцемъ другой и тому подобныя; въ ящикъ почасту подкладывали можжевелнику, дымъ коего куриль, а лама стоящій при маленькомъ жертвенникѣ въ это время освящалъ воду, переливая оную съ тарелочекъ, наливая въ ящикъ мѣдный, находящійся подѣ искусственнымъ огнемъ Церемонія сія продолжалась довольно долго, наскучивъ однимъ и тѣмъ же, мы вышли къ 1-му двору, чтобы занять мѣсто повыгоднѣе, ибо на ономъ должна была происходить церемонія, но привуждены были удалиться, ибо для очищенія нужнаго пространства для оной, лама одѣтый скелетомъ, бросалъ въ народъ муку, отъ чего и раздавались по всей кумирни хохотъ и тѣснили одинъ другаго. По протекціи юнхо-гунскаго ламы насъ пропустили въ капище, откуда должны были выходить одѣтые въ маски ламы для церемоніи, мы нашли уже ихъ тутъ. Одѣтый коровой призналъ I П. и началъ раскланываться, это насъ ужасно размѣшило. Оказалось, что сей лама изъ загородной кумирни Хень-сы, видѣлъ I П. нѣсколько дней тому назадъ у одного находящагося на смертномъ одрѣ ламы, который на другой день и умеръ; попотчивавъ другъ друга табакомъ они разошлись. Вскорѣ отворились съ обѣихъ сто-

ронъ сего капища двери С. и Ю, и прошелъ чрезъ оныя хамба со свитою и передъ нимъ пронесли искусственный огонь. Онъ помѣстился на лѣвой сторонѣ близъ сходовъ капища на табуретѣ, Да-ламы же подлѣ него съ лѣвой стороны на подушкахъ, бубны и пѣвчіе лампы расположились далѣе по порядку, напротивъ также сидѣли лампы. Процессія происходила точно такимъ же образомъ, какъ я описать прежде, только костюмы были бѣднѣй и меньше ихъ было, да гораздо было меньше порядку, но народу въ десять разъ болѣе. Посмотрѣвъ нѣсколько мы простились съ фоевскимъ племянникомъ и отправились домой тѣмъ же путемъ, коимъ и пріѣхали сюда.

Я забылъ упомянуть, что въ семь капищъ было весьма много монголовъ простыхъ и ламъ и двѣ знатныя монголки, вѣроятно жены какихъ либо князей; одна изъ оныхъ молоденькая и хорошенькая лѣтъ 20, волосы у нея заплетены во многія косы, висящія по плечамъ и спинѣ и украшены красными маршаками и змѣиными головками, на головахъ китайскія мужскія мѣховыя шапки, тульи вышитыя золотыми шнурками и съ крупными шариками, соотвѣтствующими степени ихъ мужей. Здѣсь мы также видѣли Корцинъ-вана, пріятеля Глав. Фое, ему лѣтъ 60 на видѣ, борода съ просѣдью, довольно осанистой и замѣтной наружности, съ коричневымъ шарикомъ на шапкѣ и съ двумя или тремя очками павлиньимъ перомъ, за нимъ была изрядная свита.

Насъ смѣшили монголы и монгольскіе лампы, даже и женщины, ползующія вокругъ капища, мнѣ сказали, что это дѣлается по обѣщанію. Каждый своимъ тѣломъ измѣриваетъ окружность кумирни, такимъ образомъ: кланяется въ землю и потомъ весь растягивается и съ руками по полу, куда хватать концы его рукъ; вставши на ноги и сдѣлавъ три шага, онъ снова останавливается кланяется и растягивается, продолжая такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не обойдетъ всю кумирню столько разъ, сколько положилъ себѣ обѣтомъ. Мы заходили дважды къ сему мѣсту и во второй разъ примѣтили, что усердные лампы своими кафтанами ползая по одной все дорожкѣ какъ бы вымели пыль, запыленный отъ многихъ посѣтителей.

Мы возвратились домой около I часу по полудни: и такъ какъ у I. П. извозчикъ былъ нанятъ на цѣлый день, то вознамѣрились тотъ часъ послѣ обѣда съѣздить въ капище *Да-джунъ-сы*, чтобы посмотрѣть находящійся тамъ извѣстный большой колоколь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

(изъ Юнтинфу).

Хотя я теперь занимаюсь здѣсь живописью, но каждый день что нибудь да открываетъ. Такъ вчера, въ отсутствіи о. Михаила прибылъ изъ Вань-цзѣ-чжуанъ нѣкто Арсеній Ванъ, который состоитъ руководителемъ (одинъ изъ трехъ) христіанъ въ районѣ своей деревни и имѣетъ на своемъ попеченіи 26 новокрещенныхъ китайцевъ. Узнавъ что онъ человекъ неграмотный, я сталъ спрашивать, что онъ знаетъ. И оказалось, что лѣтъ ему 37, Символь вѣры и главнѣйшія молитвы наизусть произноситъ внятно и твердо, на вопросы о главнѣйшихъ истинахъ вѣры отвѣчаетъ толково и точными выраженіями малаго катехизиса, который онъ научился читать недавно и знаетъ весь наизусть. Впечатлѣніе весьма отрадное. Имена своихъ 26 христіанъ онъ знаетъ наизусть, хотя и носитъ при себѣ тетрадку съ именами и фамиліями ихъ. Крещенные въ ихъ мѣстности есть съ праздника Рождества Христова прошедшаго года. Онъ говоритъ, что въ семействахъ христіанъ находится одиннадцать мальчиковъ школьнаго возраста, учитель ихней школы старикъ, всю жизнь учительствовавшій готовится ко крещенію, соглашается въ своемъ помѣщеніи учить дѣтей приходящими, съ однимъ лишь жалованьемъ отъ Миссіи, безъ всякихъ другихъ расходовъ. Когда учениковъ наберется до двадцати, хотятъ просить Вася объ учителѣ, который могъ бы и взрослымъ помогать въ изученіи вѣры и грамоты въ зимнее, свободное время. Какъ благословите? О. Михаилъ тоже одобряетъ этого учителя. Мѣстоположеніе его жилища, въ срединѣ нѣсколькихъ селеній съ христіанскимъ населеніемъ, благопріятствуетъ этому. Каждый воскресный день христіане ходятъ въ домъ Пантелеимона молиться и слушать поученіе.

Въ прошломъ рапортѣ (отъ 17-го Іюля) я упоминалъ, что христіанъ мы приглашали придти 20-го числа въ церковь къ литургіи въ семь часовъ: такъ какъ въ прошлое воскресенье по случаю моего приѣзда почему-то ни о. Михаилъ, ни Афанасій не поѣхали въ Бэй-цзя-во-пу на проповѣдь, то я послалъ о. Михаила во вторникъ. Предъ отъѣздомъ онъ спросилъ позволенія тамошнимъ христіанамъ придти въ церковь 20-го числа. Когда же я замѣтилъ, что на это дозволеніе не требуется: церковь открыта для всѣхъ,

то онъ пояснилъ, что рѣчь идетъ объ угощеніи христіанъ. Тогда я отвѣтилъ, что на угощеніе не имѣю благословенія Вашего, да и не думаю, чтобы было особенно полезно вводить обычаи, которые не могли понести ни отцы наши, ни мы. Онъ согласился съ этимъ и сказалъ, что христіанъ не будетъ приглашать. Однако къ службѣ собралось 18 человѣкъ, изъ которыхъ только трое Юнпинфусскіе, остальные изъ деревень. По окончаніи литургіи, за которою о. Михаилъ сказалъ хорошее поученіе на Евангельскую тему, я тутъ же перезнакомился съ пришлыми христіанами и проэкзаменовалъ ихъ, и оказалось, что только трое не знаютъ всего символа вѣры, остальные все отвѣчали наизусть бойко и кое-что могли пояснить въ рамѣхъ своего пониманія. На иконахъ въ церкви они фигуръ не различаютъ, не привыкли смотрѣть, объясненія иконъ понимаютъ, но едва ли могутъ запомнить. О распятіи отвѣчали хорошо, назидательно; икону Воскресенія Христова не угадываютъ, а китайскихъ надписей здѣсь нѣтъ. Въ общемъ весьма утѣшились съ ними и тотчасъ отпустили ихъ по дворамъ.

Возвратившись вчера изъ поѣздки въ Бэй-цзя-во-пу, о. Михаилъ сообщилъ, что христіане тамъ (по его мысли) соглашаются въ замѣнъ новогоднихъ расходовъ откладывать по пяти дяо (около 70 центовъ) для составленія общественно-церковной суммы какъ бы братской, на три года неприкосновенной; но это еще дѣло будущего: первый взносъ рѣшили сдѣлать 15-го числа 8 китайск. мѣсяца, если осуществится, тогда о. Михаилъ будетъ просить разрѣшенія Вашего Преосвященства. У многихъ возникаетъ мысль о томъ, что хорошо бы на нашей землѣ на горкѣ выстроить церковь, въ которой зимой могли бы собираться христіане для ученія (на своихъ харчахъ). Теперь наша горка со всѣхъ сторонъ окружена христіанами. Такую же церковь какъ въ Юнпинфу могутъ построить за 600 долларовъ, о. Михаилъ говоритъ, что и сторожъ уже тамъ есть и окрестныхъ христіанъ болѣе семидесяти человѣкъ.

На предполагаемую нашу поѣздку въ 10 дней по самой акуратной смѣтѣ потребуется 25 долларовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намѣчены крещенія, всѣхъ пунктовъ болѣе десяти.

Школа въ Бэй-цзя-во-пу, о которой я доносилъ въ рапортѣ отъ 20-го повидимому налаживается. Сейчасъ приѣхалъ опять Арсеній, привезъ карточку учителя и списокъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ крещеный, семь желаютъ читать наши книги вмѣстѣ съ другими, остальные одиннадцать желаютъ принять теперь же крещеніе, двое

изъ нихъ крестятся вмѣстѣ съ родителями. Тамъ же взрослыхъ приготовлено ко крещенію девять человекъ. Учитель прочиталъ катихизисъ, желаетъ креститься и согласенъ вести нашу программу съ бесплатнымъ ученіемъ для всѣхъ (20 учен.) проходящими, если миссія будетъ давать ему жалованье по 8 дол. въ мѣсяцъ. Учитель этотъ всѣмъ нравится.

Юнпинфу 20-го Іюля 1911 г.

Честь имѣю сообщить, что при обзорѣ церкви Святаго Іоанна Предтечи, что въ Юнпинфу, мною замѣчено, что св. антминсъ нѣсколько подмоченъ (едва замѣтное пятнышко). На вопросъ о причинѣ священникъ о. Михаилъ Танъ разсказалъ мнѣ слѣдующее.

Въ 1909 году лѣтомъ я жилъ вмѣстѣ съ начальникомъ миссіи въ Цзинь-шань-цзуѣ. Уѣзжая оттуда 12-го августа, Владыка приказалъ мнѣ присмотрѣть за уборкой двора и всѣхъ вещей на зиму, а потомъ уже 13-го числа выѣхать въ Юнпинфу, чтобы на праздникъ Успенія Богородицы служить въ своемъ храмѣ. Такъ какъ Владыка уѣхалъ рано утромъ, а въ моемъ распоряженіи было трое рабочихъ, то домъ и дворъ удалось убрать очень скоро. День былъ дождливый, въ такую погоду нельзя въ одинъ день добраться въ Юнпинфу и я рискую опоздать ко всеобщей подѣ такой великій праздникъ. Подумавъ такъ, я рѣшилъ ускорить съ отъѣздомъ изъ Цзинь-шань-цзуя. Сдѣлавъ надлежащія распоряженія людямъ, я поспѣшилъ къ вечернему поѣзду. До самой станціи Пэйтэйхэ меня мочило дождемъ, но къ поѣзду я успѣлъ и взялъ билетъ въ открытомъ вагонѣ, такъ какъ небо стало проясняться и всю дорогу до Ланьчжоу не было дождя. По прибытіи въ Ланьчжоу я нанялъ лодку, чтобы ѣхать рѣкою Лань. Когда лодка отчаливала отъ берега, была прекрасная погода и я думалъ уже о томъ, какъ спокойно проплывъ двадцати пяти верстное разстояние, я счастливо увижусь съ родными послѣ двухмѣсячной разлуки. Но вышло не такъ. За первымъ же поворотомъ рѣки подулъ изъ ущелья горъ вѣтеръ, попутный намъ, мы поставили парусъ и лодка весело пошла вверхъ теченія рѣки. Но вскорѣ же вѣтеръ сразу неожиданно измѣнился въ совершенно противоположную сторону, но такъ быстро, что не успѣли перевести паруса на другую сторону мачты, да и спустить парусъ оказалось невозможно такъ какъ веревки спутались. Лодку схватило быстро въ сторону и понесло на отмель. Порывъ былъ такъ силенъ, что ее протащило

далеко отъ берега въ поле, гдѣ она и увязла въ размякшей глинѣ, а мачта тутъ же сломалась. Вскорѣ пошелъ дождь, да такой, что я отъ роду не видывалъ такого. Мы едва могли кое-какъ укрыться подъ бортами лодки, накрывшись обрывками паруса. До деревни было далеко и сообщеніе по дорогамъ прекратилось со вчерашняго дождя въ слѣдствіе разлива горныхъ потоковъ. Сумерки наступили ранѣе обыкновеннаго, а дождь не прекращался. Съ ужасомъ мы замѣтили, что вода начинаетъ подступать къ лодкѣ: волны накатывало съ рѣки, вода набиралась въ лодку, такъ какъ въ ней образовалась течь. Насъ всѣхъ пассажировъ было семь человекъ. Когда мы стали перебираться въ лодку и убирать изъ трюма багажъ на кормовую площадку, ударилъ градъ, на столько крупный, что всѣ мы попадали кто гдѣ былъ, ожидая смерти отъ града или потопленія. Ни кто не чаялъ остаться въ живыхъ. Тогда я вспомнилъ, что наказываюсь за ослушаніе и молилъ Бога, чтобъ простилъ мой грѣхъ и далъ бы мнѣ время для покаянія. Такъ прошло не болѣе получаса, какъ буря стала стихать, градъ и дождь прекратились, туча прошла и на небѣ загорѣлись звѣзды. Всю ночь провели мы здѣсь, трясясь отъ холода, ожидая пока лодочники поставятъ вновь мачту, починютъ парусъ, вычерпаютъ воду и остановятъ течь въ лодкѣ. Насъ промочило до костей. Я думаю, что не будь со мною святыни, мы не остались бы въ живыхъ. Но на груди я имѣлъ мѣшочекъ, гдѣ было положено св. евангеліе, антиминосъ и проч. святыня. Такъ мы не только остались въ живыхъ, но ни кто даже не простудился, какъ я узналъ послѣ. Съ разсвѣтомъ лодку мы сняли опять на воду и, при совершенно ясной и тихой погодѣ, прибыли въ Юнцинфу какъ разъ въ тѣ же часы, какъ если бы я выѣхалъ изъ Цзинь-шань-цзуя на другой день, какъ мнѣ было приказано.

Разсказавъ этотъ примѣръ правды и благодати Божіей, о. Михаилъ присоединилъ къ нему и другой разсказъ о силѣ молитвы.

Осенью 1910 года супруга моя Анфиса послѣ родовъ заболѣла женскою болѣзнию изнурительной и тяжкой. Я обращался ко всѣмъ извѣстнымъ въ околдкѣ врачамъ, но болѣзнь не прекращалась. Какія были деньги, долларовъ восемь, всѣ истратилъ на лекарства, но не получилось ни какой пользы. Въ то время мнѣ надо было ѣхать въ Цзинь-шань-цзуй по дѣламъ службы. Оставляя жену въ безпомощномъ состояніи, я написалъ письмо въ Пекинъ къ о. С—у, прося помолиться за меня и за больную, а самъ уѣхалъ въ Цзинь-шань-цзуй. Черезъ пять дней получаю изъ Пекина отъ о. С—на письмо, въ которомъ онъ посылаетъ мнѣ благо-

словеніе, и въ то же время получаю другое письмо изъ Юнпинфу отъ Анфисы, съ извѣстіемъ, что она выздоровѣла. Горячимъ сердцемъ я возблагодарилъ Бога и успокоился. Проживъ еще двѣ недѣли и покончивъ съ дѣлами, я возвратился въ Юнпинфу и тутъ только узналъ о томъ, какъ Анфиса выздоровѣла. Она рассказала мнѣ, что по моему отъѣздѣ не помню въ который только день (въ день выздоровленія) она спала ночью при открытомъ окнѣ, что вверху подъ крышей фанцзы, въ окнѣ видно было синее небо. Когда она спала, то увидѣла это самое небо и на синевѣ его крестъ и луну. Отъ радости, такъ какъ крестъ былъ бѣлый, свѣтящійся, она проснулась, но видѣніе уже прекратилось. Пока она встала и зажгла свѣчу, чтобы рассказать своимъ (сестрѣ и матери) о видѣніи, она почувствовала, что совершенно здорова отъ болѣзни (кровотеченія) и съ тѣхъ поръ болѣзнь не возвращалась къ ней.

А. А.

Цзинь-шань-цзуй, Юля 31-го дня 1911 года.

Гигіена питанія

Dr. Guelpe: L'hygiène alimentaire et le travail cérébral.—La Revue le 15 juin 1911.

Принимаемая нами пища, какъ извѣстно, отчасти служитъ матеріаломъ для возобновленія организма, отчасти—топливомъ. На первый преимущественно идетъ пища азотистая, въ соединеніи съ минералами, роль второго играютъ крахмальныя, сахарныя и жировыя вещества. При раціонально поставленномъ пищевомъ режимѣ должны преобладать эти послѣднія вещества, такъ какъ машина, именуемая человѣческимъ органомъ, требуетъ несравненно большаго количества топлива, чѣмъ матеріала для возобновленія.

Мы же сплошь и рядомъ главнымъ образомъ употребляемъ азотистую пищу (мясо, рыбу, яйца), да еще въ чрезмѣрномъ количествѣ. Ненужная нашему организму, она плохо имъ переваривается и лишь засоряетъ желудокъ. Кромѣ того вообще азотистая пища вырабатываетъ гораздо больше ядовъ чѣмъ растительная.

Чувство сонливости, умственной лѣни послѣ сытнаго обѣда, хорошо знакомое большинству изъ насъ, происходитъ оттого, что имѣющійся въ организмѣ запасъ жизненной энергіи въ такой значительной мѣрѣ привлекается къ работѣ пищеваренія, что мозговая дѣятельность оказывается въ недостаткѣ. Постоянное повтореніе подобной неправильности должно мало-по-малу вести къ всевозможнымъ болѣзненнымъ явленіямъ.

Не только разстройство пищеваренія бываетъ послѣдствіемъ неправильнаго пищевого режима и связаннаго съ нимъ хроническаго отравленія организма. Докторъ Гельпа считаетъ его причиной и разныя, такъ называемыя, червныя страданія, вплоть до мигрени и перваго кашля.

Въ подтвержденіе своей теоріи французскій ученый приводитъ примѣры изъ своей практики. Одну свою пациентку, страдавшую сильнѣйшимъ нервнымъ разстройствомъ, которое гразило перейти въ острое помѣшательство, онъ, рѣшивъ, что причину недуга слѣдуетъ искать въ самоотравленіи организма, вылечилъ строго вегетаріанскою діетой вмѣстѣ съ основательной прочисткой желудка.

Не менѣе убѣдительныя доказательства тѣсной и непосредственной связи между нервными болѣзнями и пищевымъ режимомъ дали доктору Гельпа и слѣдующія совмѣстно съ другимъ врачомъ клиническія наблюденія. Между прочимъ, авторъ и его colega занялись изученіемъ вопроса о зависимости эпилепсїи отъ діеты. Предполагая самоотравленіе вслѣдствіе слишкомъ обильнаго и преимущественно мясного пищевого режима, врачи подвергали этихъ больныхъ леченію, состоявшему изъ пріема слабительнаго—четыре дня подъ рядъ по 40 граммовъ сернокислой соды (Sulfate de soude)—и одновременной діеты изъ водянистыхъ напитковъ, чая, кофе, лимонада, по желанію самого больного. Всякая пища во время этого періода абсолютно запрещалась. Затѣмъ больной переводился на строго вегетаріанскую діету, а недѣлю спустя снова производилась прочистка пищевыхъ путей съ соблюденіемъ строжайшаго поста.

Результаты, говоритъ докторъ Гельпа, были очень удовлетворительны всякій разъ, когда оказывалась возможность полностью провести леченіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ частной практики, о которыхъ авторъ читалъ докладъ на медицинскихъ конгрессахъ 1910 года въ Берлинѣ и Парижѣ.

Еще болѣе поразительные и быстрые результаты были получены имъ въ такихъ случаяхъ, которые можно было бы назвать острой эпилепсїей, то-есть при конвульсіяхъ у маленькихъ дѣтей и при эпилепсїи рожениць.

Точно такъ же и сахарная болѣзнь, которую авторъ одинаково считаетъ послѣдствіемъ самоотравленія, по его утвержденію немедленно останавливается и въ нѣсколько дней излечивается его способомъ, даже и въ уже застарѣлыхъ случаяхъ, при условіи отсутствія какихъ-либо осложненій другими, неизлечимыми, болѣзнями, какъ туберкулезъ, ракъ, и такъ далѣе.

Что касается дѣйствія пищевого режима на мозговую дѣятельность, то умѣренная, преимущественно вегетаріанская діета, дополняемая періодами поста и прочистки желудка, по опыту доктора Гельпа всегда имѣла самое благоприятное вліяніе на нее. Человѣкъ, поступающій по его рецепту, векорѣ чувствуетъ себя совершенно помолодѣвшимъ. Пищевареніе совершается быстрѣе, движенія болѣе легки и эластичны; зрѣніе и слухъ улучшаются. Но главнымъ образомъ и прежде всего умственная работа пріобрѣтаетъ необыкновенную свѣжесть и силу. Авторъ убѣжденъ, что нѣтъ болѣе легкаго, простаго и дѣйствительнаго способа, чѣмъ этотъ, чтобы побѣдить умственное ослабленіе и мозговую бездѣятельность.

Самъ докторъ Гельпа всякій разъ, когда чувствуетъ себя переутомленнымъ мозговой работой, пріобрѣтаетъ къ своему леченію, и черезъ нѣсколько дней, бодрый и освѣженный, съ восстановленными умственными силами, вновь возвращается къ работѣ. Е. М.

Указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода на имя Начальника Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ, Преосвященнаго Иннокентія, Епископа Переславскаго.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: рапортъ Вашего Преосвященства, отъ 22 Марта с. г. за № 168, по ходатайству Комитета по сооруженію храма при подворьѣ Пекинской Духовной Миссіи въ С.-Петербургѣ о разрѣшеніи наименовать строящійся храмъ—«храмомъ, созидаемымъ въ память избавленія Россіи отъ нашествія галловъ», ПРИКАЗАЛИ: Ваше Преосвященство представляете на благовоззрѣніе Святѣйшаго Синода ходатайство Комитета по постройкѣ въ С.—Петербургѣ храма при подворьѣ означенной Миссіи—о разрѣшеніи посвятить ново соору́жаемый храмъ памяти избавленія въ 1812 году Россіи отъ нашествія галловъ въ виду того, что окончаніе постройки сего храма, созидаемаго въ честь Казанскія иконы Божіей Матери, предположено въ 1912 году, когда предстоить празднованіе столѣтняго юбилея Отечественной войны, каковое событіе для Россіи имѣетъ особливую важность, почему посвященіе строящагося храма воспоминанію этого событія, по мнѣнію указаннаго Комитета, являясь умѣстнымъ для С.-Петербурга, можетъ возбудить энергію строителей и привлечь вниманіе общества къ дѣлу сооруженія указаннаго храма. Выслушавъ настоящій рапортъ Вашего Преосвященства, въ удовлетвореніе изъясненнаго въ ономъ ходатайства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить наименовать соору́жаемый на подворьѣ Пекинской Духовной Миссіи въ С.-Петербургѣ каменный храмъ, въ честь Казанскія иконы Божіей Матери—«храмомъ, созидаемымъ въ память избавленія Россіи отъ нашествія галловъ» о чемъ и увѣдомить указами: Ваше Преосвященство и Временно-Управляющаго С.-Петербургскою епархією, Преосвященнаго Нарвскаго. Іюля «14» дня 1911 года.

За Оберъ-Секретаря Н. Наумовъ

Секретарь Ст. Поповъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ОТРЫВНОЙ

1912 г.

Январь

日拜禮號一月正俄

Международный
календарь

на

1912 г.

на русском,

английском

и китайском языках.

Издание

Пекинской Духовной Миссии.

Цѣна 1 руб.

Требования адресовать.

Пекинъ, Духовная Миссія.

Здѣсь помѣщенъ

образецъ отрывнаго кален-

даря.

1

Воскресенье

Нед. 31 я по пятид.

ОБРѢЗАНІЕ ГОСПОДНЕ.

Новый годъ.

Св. Василя Великаго. Мч. Василя Авкирскаго.

Новый стиль.

January

Sunday

§
§

по Кит.

Ноябрь

日期星

14

十四號
西正月

26

廿六日
月大
華十一

3-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

3-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1911 Г.

на издающійся Въ Харбинѣ (Маньчжурія) журналъ
Общества Русскихъ Оріенталистовъ

„ВѢСТНИКЪ АЗІИ“

„ВѢСТНИКЪ АЗІИ“ независимый органъ, издающійся въ Харбинѣ Обществомъ Русскихъ Оріенталистовъ; онъ ставитъ своей задачей посильное всестороннее изученіе народовъ и странъ Дальняго Востока, а также освѣщеніе вопросовъ, содѣйствующихъ развитію культурнаго взаимообщенія и сближенія съ народами Дальняго Востока

Дальній Востокъ переживаетъ нынѣ эпоху коренной ломки древнихъ устоевъ, созданіе новыхъ формъ жизни. Это обстоятельство понуждаетъ европейскіе народы съ особенной чуткостью относиться къ каждому новому штриху современной общественно-политической жизни Востока, чтобы своевременно быть подготовленнымъ ко всѣмъ неожиданностямъ, какія можетъ выдвинуть пробуждающійся Востокъ.

„ВѢСТНИКЪ АЗІИ“, ставя себѣ вышеуказанныя задачи, стремится къ объективному освѣщенію вопросовъ и запросовъ Дальняго Востока.

Въ 1911 году журналъ выйдетъ въ количествѣ ПЯТИ книжекъ, около тринадцати печатныхъ листовъ въ каждой.

ПОДПИСКАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи 8 руб.

На полгода (три книжки) пять рублей.

Заявленія о подпискѣ и объявленіяхъ направляются по адресу:
Харбинѣ, Общество Русскихъ Оріенталистовъ.

Вышли въ свѣтъ и имѣются въ продажѣ слѣдующія изданія

Русской Духовной Миссiи въ Китаѣ, Пекинѣ.

1) Русско-Китайскій словарь разговорнаго языка (карманный) издан. Р. К. 1908 г. въ переплетѣ съ пересылкой 3 р. 50 к. въ обложкѣ	3.—
2) Русско-Китайскій Переводчикъ соч. Я. Брандта, второе изд. 1906 г	—50
3) Адресная Книжка русскихъ лицъ и учреждений, находящихся въ пре-
дѣлахъ собственнаго Китая (исключая Маньчжурiи) 1905 г.	—20
4) Описанiе Пекина. Такинфа (по плану 1817 г.) изд. 1906 г.	1—
5) Кое-что о Китайской банковской системѣ, Перев. В. Шаренбергъ.	—30
6) Грамматика китайскаго языка сочиненiе монаха Такинфа. Первое
изданiе этой грамматики литографированное давно распродано и составляетъ
большую рѣдкость	1—50
7) Начатки грамматики Китайскаго разговорнаго языка, записки Архи-
мандрита Амфилохiя (Лутовинова) изд. 1898 г.	1—15
8) Краткая Китайская Грамматика Иеромонаха Исаи, изд. третье 1906 г	1—
9) Описанiе китайскихъ праздниковъ	—20
10) Извлеченiе изъ китайской книги Шень-ву-цзи иеромонаха Палладiя
—50	—50
11) Переѣздъ изъ Пекина въ Или, переводъ съ китайскаго иеромонаха
Павла (Цвѣткова) 1855 г. первое изданiе 1907 г.	—50
12) Записи объ Албазинцахъ Архимандрита Петра 1831 г. изд. 1906 г.	—25
13) Инструкцiя Россiйской Духовной Миссiи въ Пекинѣ изд 1906 г.	—20
14) Поѣздка въ Горы (изъ записокъ миссiонера въ Китаѣ) 1905 г.	—20
15) Бракъ у китайцевъ, трудъ Иеромон. Александра (Кульчицкаго) съ
рисун. 1908 г.	1—
16) Международный стѣнной Календарь на 1911 г. Китайско-Англiйско-
Русскiй.	1—
17) Тай-шань и могила Конфуцiя 1908 г. В. Н. Шаренбергъ. ц	—10
18) Изложенiе сущности Конфуцианскаго ученiя, изслѣдованiе Кондрата
Крымскаго (въ первый разъ изданное) 1906 г.	—50
19) Описанiе Религiи Ученыхъ Китайцевъ, трудъ Такинфа 1844 г.
первое изданiе 1906 года.	1—
20) „Сань-Цзы-Цзинь“ или Троесловiе съ китайскимъ текстомъ. Пере-
водъ монаха Такинфа	1—
21) Китайско-Русскiй Словарь 2 тома безъ пересылки.	40—
22) Карманный китайско-русскiй словарь составленный Епископомъ
Иннокентiемъ, заключаетъ въ себѣ 336 стран. текста и 135 стран. ука-
зателя къ нему. Цѣна съ пересылкою 2 руб. 50 коп.	2—50
23) Французскiя Миссiи въ Китаѣ. переводъ Г. М. Васильева.	1—50
24) Труды членовъ Пекинской Духовной Миссiи 1, 2, 3, и 4 томы по	2—
25) Статистическое описанiе Китайской Имперiи	3—
26) Нагорная бесѣда Спасителя.	—30
27) Жизнеописанiе Будды	—50
28) Толковая Библия Книги: Бытiя, Исходъ, Левитъ томъ I.	2—
29) Новый Завѣтъ Господа нашего Иисуса Христа съ комментарiями.
Евангелiе отъ Матѳея и Марка. томъ I.	2—

Всѣ эти изданiя можно получить и въ г. Харбинѣ—Пристань при Благовѣщенской церкви, и
въ Петербургѣ—Воронежская 110.

Открыта подписка

на журналъ

„Китайскій Благовѣстникъ“,

органъ Россійской Духовной Мисси въ Китаѣ,
на 1911 годъ.

Цѣна за годъ (12 выпусковъ) **3 Рубля**. Допускается
разсрочка по полугодіямъ.

Подписка принимается: 1) Въ Россійской Духовной Мисси въ г. Пекинѣ, 2) С-Петербургѣ на подворьѣ Мисси—Воронежская 110 и 3) Въ г. Харбинѣ—пристань при Благовѣщенской церкви Мисси.

Тамъ же можно приобрѣтать и другія изданія Мисси.

СОДЕРЖАНІЕ.

Добровольный Терпѣливецъ	1.
Полемическая статья одного Буддиста противъ Даосскаго ученія	6.
Дневникъ, веденный въ Пекинѣ съ 1-го декабря 1830-го года. (Продолженіе).	15.
Корреспонденція	22.
Гигіена питанія	26.
Указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода на имя Начальника Россійской Духовной Мисси въ Пекинѣ, Преосвященнаго Иннокентія, Епископа Переславскаго	28.
Объявленія	32.

Редакторъ Архимандритъ
Аврамій.

Печатать дозволяется
Епископъ Иннокентій.

Г. ПЕКИНЪ.

Типографія Успенскаго Монастыря при Русской Духовной Мисси.
1911.